

10. Пустогачева Т. С. История развития путей сообщения в Горном Алтае в конце XIX — начале XX вв. / Т. С. Пустогачева // Известия АлтГУ. — 2010. — № 4/2. — С. 182–189.

Информация об авторе

Почеревин Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, 659333, г. Бийск, Короленко, 53, e-mail: pev2@mail.ru.

Author

Evgeny V. Pocherevin — Ph.D. in History, Senior Lecturer, Department of Historical, Legal and Social-Humanitarian Disciplines, Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University, 53 Korolenko, Biysk, 659333, e-mail: pev2@mail.ru.

УДК 94.47

V.M. RYNKOV

ББК 63.3(253)

ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В ТИСКАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРИЗИСОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕРОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (лето 1914 — февраль 1917 года)

Показано влияние Первой мировой войны на ухудшение ситуации на рынке товаров повседневного спроса Сибири и формирование механизмов адаптации населения к возникшим вызовам. Устранение государства от решения проблем потребительского рынка породило многочисленные импровизации на уровне муниципального управления и самоорганизацию городского и сельского населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, торговля, снабжение, городские управы, кооперативы, пресса, социальные конфликты.

V.M. RYNKOV

AUTHORITIES AND POPULATION OF SIBERIA IN THE GRIP OF CONSUMER CRISES: REGIONAL PECULIARITIES OF ALL-RUSSIAN PROSESSES (summer 1914 — february 1917)

The article shows the influence of World War I on deterioration in the everyday goods market environment in Siberia, and formation of people's adjustment mechanism to the challenge. Elimination of the state from

solving consumer market problems gave rise to numerous improvisations at the level of municipal administration and self-organization of urban and rural population.

Keywords: World War I, Siberia, trade, supply, administrative board of a city, cooperatives, print media, social conflicts.

В годы Первой мировой войны Сибирь являлась глубоким тылом империи. Мероприятий по мобилизации экономики проводились здесь не в полном объеме и в более поздние сроки. Разлагающее влияние войны на потребительский рынок приходило сюда тоже с опозданием сравнительно с европейской частью России и даже Уралом. Но при всей региональной специфике большинство событий переживалось сибирским населением так же, как и в других тыловых районах Российской империи.

Война привела к потрясениям на рынке. Призывы лета–осени 1914 г. вызвали исчезновение в торговой сети теплой одежды и обуви. Сельскохозяйственное сырье, напротив, подешевело, хотя на розничных ценах это почти не сказалось. Пресловутые «ножницы цен» стали формироваться с конца 1914 г., причем в Сибири отчетливее, чем в европейской части страны. Здесь быстрее дорожали промышленные товары и медленнее — сельскохозяйственные. Государственная заготовительная политика, предполагавшая региональную тарификацию заготовительных цен, исходила из самых низких тарифов для территорий, располагавшихся восточнее Урала. Следовательно, сибирские крестьяне получали меньше за тот же объем проданной продукции.

С осени 1914 г. в Сибири сложилась практика созыва публичных сошестваний для обсуждения условий заготовок. Это были площадки для взаимодействия власти и общественности с обязательным присутствием кооперативных организаций и представителей торгово-промышленного класса. Там обсуждались цены, условия поставок, распределялись рынки, и, что характерно, представители власти постоянно ставили вопрос о шагах, нацеленных на снижение конкурентности. С 1915 г. к поставкам для армии стали активно привлекаться промышленные предприятия, объединившиеся в военно-промышленные комитеты. Они работали по заказам интендантств и по планам, намеченным Сибирским заводским совещанием. Возникшая в Сибири, как и по всей стране, сеть уполномоченных по заготовкам различных товаров была связана с кооперативными и предпринимательскими структурами сетью договоров, что отражало институционализацию диалога власти и общества в вопросе о снабжении фронта.

Иная ситуация складывалась в сфере снабжения населения потребительскими товарами. Сибирские губернаторы воспользовались своим правом устанавливать таксы (ценовые максимумы) для розничной торговли. Это касалось хлеба и мяса. Остальное считалось прерога-

тивной органов городского самоуправления. Городские власти обычно ограничивали оптовую закупку продовольствия, ввозимого из окрестных деревень. Торговля в сельской местности не регулировалась, так как земства, решавшие такие вопросы в других регионах, в Сибири до лета 1917 г. не вводились. В условиях сокращения частной торговли ее место стихийно занимала потребительская кооперация, не получавшая от государства ни материальной, ни товарной поддержки.

Сибирские города до осени 1916 г. страдали не от отсутствия товаров, а лишь от высоких цен, что обернулось общим падением уровня жизни. Пожалуй, исключение составлял сахар. Его исчезновение в городах весной — летом 1915 г., а затем введение его нормированного распределения стало первым проявлением грядущего краха потребительского рынка.

Приблизительно с лета 1915 г. гласные городских дум Сибири, признав неэффективность ценового регулирования как метода борьбы с дороговизной, перешли к выдаче подрядов частным лицам или кооперативам на заготовку хлеба, мяса, сахара, масла, дров и других товаров для продажи населению по минимальным ценам, либо к организации собственных заготовок. Первоначально они рассчитывали лишь на частичное удовлетворение потребностей горожан, с тем, чтобы встав в число крупнейших продавцов, иметь возможность влиять на рыночные цены, понижая их в случае необходимости [8]. Лишь в следующем, 1916 г., городские власти стали рассчитывать количество продуктов, достаточное для удовлетворения всего спроса горожан на основные товары. Их номенклатура расширилась, включая теперь рыбу, крупы, соль и спички и др. Городские продовольственные органы теперь предпочитали самостоятельно закупать товары и продавать через сеть своих лавок. Данное обстоятельство заставило муниципальные власти заниматься введением продовольственных карточек, требовавшего учета городского населения, его организацию в квартальные комитеты и полную перестройку городской торговли. В большинстве сибирских городов это происходило весной–осенью 1916 г. Очень быстро городские власти поставили вопрос о целесообразности создания межрегиональных объединений для борьбы с дороговизной, ориентировали свою политику на тесное взаимодействие с городскими потребительскими обществами. Этот вопрос обсуждался на ряде региональных форумов городов: Съезде представителей городов Енисейской губернии 15 июня 1915 г., Съезде городов Восточной Сибири и Дальнего Востока 15–19 апреля 1916 г. [29, с. 356, 358]. Но заготовительных структур регионального уровня в Сибири до Февральской революции не было создано.

В сельской местности накопилось в 1915–1916 г. еще больше проблем со снабжением населения предметами первой необходимости, чем в городах, а уровень организации отставал. Здесь даже за деньги сложно

было купить многие элементарные товары. Частные торговцы массово ликвидировали свою торговлю из-за мобилизации в армию, бестоварья и дороговизны. Быстро формирующиеся потребительские общества, выходя для закупок на городские оптовые рынки, сталкивались с той же проблемой наполняемости ассортиментом своих магазинов, что и частники. В деревне наиболее остро воспринимался недостаток спичек, свечей, керосина, мыла и ниток, дошедший осенью 1916 г. до крайних пределов [5, л. 8–8 об.]. Объединение кооперативов в союзы, необходимое для решения проблем снабжения сельского населения потребительскими товарами, наталкивалось на законодательные ограничения, и далеко не безосновательную боязнь со стороны местной администрации, что кооперативы станут сосредоточением оппозиционных настроений¹.

Примечательно, что власть оставила население один на один в решении проблем потребительского рынка, тогда как для организации заготовок сельскохозяйственной продукции для армии был сформирован многочисленный и хорошо структурированный аппарат. Элементы включения государства в систему самостоятельно формирующихся институтов решения проблем потребительского рынка возникли лишь после августа 1915 г. — с появлением Особого совещания по продовольствию. Причем в Сибири они свелись преимущественно к выделению городам ссуд на закупку продовольствия и топлива либо государственных гарантий на займы в частных банках на те же цели. Городские управы и кооперация к этому времени уже имели концепцию решения проблем снабжения населения. Они настаивали на необходимости включить города, а затем и все гражданское население в единый план снабжения и обязать уполномоченных по заготовкам соответствующих товаров отгружать их необходимое количество для централизованного обеспечения городских продовольственных организаций и сельской потребительской кооперации.

В годы Первой мировой войны в Сибири появились очереди (хвосты) — новая реальность для обывателя, связанная со снабжением и ставшая аккумулятором социального недовольства. Это недовольство имело ярко выраженный гендерный аспект, так как женщины в очередях явно преобладали и в силу большей эмоциональности часто становились инициаторами конфликтов. С очередями связано рождение новых социальных общностей, причем не только фактических, когда люди объединены общим многочасовым стоянием и стремлением получить вожделенный товар. Появились и «виртуальные» хвосты, связанные с записью и сдачей взносов для получения необходимых предметов путем проведения заготовительной операции на средства граждан. Чаще всего такие очереди выстраивались за дровами и сахаром. Фактически

¹ Анализ обширной литературы по этому вопросу см.: [26].

это означало создание по инициативе городских властей кооператива для покупки одного из товаров [19].

Массовые призывы в армию и не очень быстрое налаживание системы выплат семьям призванных породили первые очереди за пособиями для солдатских семей. Сибирская пресса уже к исходу 1914 г. впервые отмечала повышенную раздраженность малограмотных, взвинченных представителей городских низов. Массовые очереди за продовольствием выстроились позже, чем в столицах и городах центральной России, примерно на год. Это отразило расширение круга недовольных, аполитичных людей, чье раздражение зрело на бытовом почве. Но к осени 1916 г. большинство горожан успело побывать «в шкуре» недовольных, столкнувшись с перебоями в торговле и приобщившись к очередям. Сельское же население Сибири до 1916 г. почти не имело такого опыта. Но в последний перед революцией год отмечен бурный рост сельских потребительских обществ, являвшихся известной по примеру городов «складчиной» для покупки конкретных товаров, как правило, мануфактуры, а также для получения «нормированного сахара» [18, с. 53]. В сельских потребительских лавках наиболее востребованные товары раскупались сразу же и за ними тоже стали встраиваться очереди.

Любопытно, что участники очередей требовали выдачи продуктов «по-дешевке» или бесплатно из лавок, в том числе частных. В городах во второй половине 1916 г. стихийными локальными центрами уличной активности становились продовольственные лавки. Идея установления контроля над частной торговлей, реквизиции товаров и помещений активно насаждалась активистами-общественниками, а превращаясь в массовую, провоцировала отдельные погромные действия. В этом отношении Сибирь быстро «нагнала» центр России [15, с. 47–51; 16, с. 133–145, 17, с. 66, 120–122], хотя состояние потребительского рынка здесь было существенно благоприятнее. Более конструктивным в тот период представлялось создание квартальных (районных) комитетов и комиссий из числа делегированных жителями представителей для проверки работы продовольственных лавок, общественного контроля над распределением товаров. В начале 1917 г. омские кооператоры с удовлетворением отмечали — продовольственная работа опускается на уровень кварталов [20; 22]. Большой потенциал самоорганизации населения для снабжения товарами повседневного спроса не был полностью реализован. Но даже успешное воплощение тех или иных инициатив не могло снизить накапливавшуюся психологическую деструкцию. Именно в сфере удовлетворения потребительского спроса генерировались политические мифы об антиобщественном поведении «буржуазии» и представителей власти, необходимости проявлять бдительность против внутреннего врага.

Огромную роль в формировании имиджа власти и торгово-промышленных кругов играли средства массовой информации. Они подробней-

шим образом освещали ситуацию на потребительском рынке. В лексиконе того времени не имели широкого употребления термины «дефицит», «нехватка» и прочие, а наиболее популярным и ходовым было определение «голод», имевшее множество приложений — сахарный, керосиновый, дровяной и пр. Газеты преподносили события потребительского рынка с гипертрофированным трагизмом, периодически подстегивая панику на базарах и у продовольственных лавок, гонения на торговцев. Прививка шпиономании, полученная с первых дней войны, помноженная на общенародную подозрительность к торговцам и усиленная наличием среди журналистов многих представителей «левой» политической ориентации привели к тому, что нередко информация в прессе по духу напоминала донос, заставляя владельцев торговых фирм и магазинов публично оправдываться за свои действия [4; 9]. Инициатива торговцев по изменению ценовых ограничителей обычно хорошо мотивировалась, основывалась на калькуляции цен, свидетельствовала, что действовавшие правила вели к либо к разорению, либо к оттоку капиталов из отрасли, явились главной причиной перебоев с поставками на рынок [28]. Но подобные аргументы никого не убеждали. Многие газеты предлагали классовое объяснение происходившему: цензовые городские думы наполнены гласными из торгово-промышленного класса, и они в своих корыстных интересах поднимают таксы [6; 7; 21; 24; 25]. В этом смысле пресса скорее выступала фактором политической дезадаптации населения.

Впрочем, жизнь сама давала к этому немало оснований. Именно усиление хозяйственной деятельности городских продовольственных комиссий, происходившее во многом под давлением общественного мнения, дало примеры вопиющей бесхозяйственности, попавшие под не менее яростную критику прессы. Красноярская городская продовольственная комиссия, закупив летом 1916 г. 200 голов скота, довела его неумелыми действиями до полного истощения. Три–четыре месяца кормленный за городской счет скот пошел на убой, потеряв не только по два пуда веса, но и вкусовые качества. По возможности горожане избегали покупать «городское» мясо, обращаясь к частным торговцам, никогда не допускавшим подобных провалов [1]. Аналогичных примеров для каждого крупного города можно найти несколько. Хотя, конечно, нельзя сводить продовольственную работу городов к одним провалам. Многие проблемы беднейшего населения удалось решить, но в основном ценой ухудшения качества предлагаемых товаров, за счет создания очередей, введения ограничений продажи дешевых товаров «в одни руки» и прочих бытовых неудобств.

В 1916 г. города пережили волну ажиотажного вступления населения в кооперативы в связи попытками использовать кооперативную торговую сеть для распределения товаров [11, с. 324–393; 12; 29, с. 242–255; 30, с. 127–128]. Но с установлением во второй половине 1916 г. карточной системы появилась возможность получать свою норму хлеба, крупы, сахара

и ряда других товаров без взносов в городские потребительские общества. Тогда вчерашние неофиты потянулись обратно из кооперативов [3; 10]. Введению карточек предшествовала в большинстве городов перепись населения. Цели статистического учета непосредственно вытекали из задач снабжения и курировались обычно продовольственными управами [2; 13].

Участие местной администрации в решении вопросов потребительского рынка носило пассивно-дозволяющий характер, сводилось к санкционированию реквизиций потребительских товаров, выявленных представителями общественности на складах или на станциях в товарных вагонах. По настоянию городских продовольственных органов губернаторы расширяли перечень товаров, цены на которые следовало регулировать с помощью такс [23; 27]. Лишь в конце 1916 г. местная губернская администрация и аппарат уполномоченных активно включились в обсуждение вопросов о снабжении населения. На Томском совещании уполномоченных по продовольствию, куда пригласили и городских голов, распределили между сибирским городским населением партии заготовленного государством хлеба. Местные уполномоченные, получив в свой адрес товары, начали распределять его через кооперативные или городские продовольственные лавки [14].

Объективный характер проблем в сфере снабжения населения необходимыми для жизни товарами в годы войны не вызывает больших сомнений. В основе своей они не были связаны с чьей-то злой волей, являясь неизбежным спутником любого крупного вооруженного столкновения. Но каждое общество разными способами с большим или меньшим успехом выстраивает систему адаптации брошенным ему вызовам. В России государство, сосредоточив основные организационные усилия в деле мобилизации экономики на нужды армии, в целом отдало вопрос о снабжении гражданского населения частным лицам и общественным организациям. Применительно к Сибири, где земство отсутствовало, добиваться значимых результатов на этом поприще могли только органы городского самоуправления. Каждый город действовал самостоятельно. Взаимодействие между ними носило характер обмена опытом, информацией, выработки общих требований. Наименее подготовленными оказались жители деревни, где многопрофильные общинные институты оказались не приспособлены к решению проблем снабжения. Кооперация могла заменить их лишь частично. Государство, тесно связанное с ней в сфере заготовок, не попыталось наладить каналы снабжения населения через кооперативные организации.

Первая мировая война стала не просто преддверием, но во многом и репетицией советского будущего. Изменения жизненного мира обывателя, приобретенный во время войны опыт администрирования имели прямое отношение к установившейся в ходе революции и впоследствии хозяйственной системе и общественной атмосфере.

Список использованной литературы и источников

1. В продовольственной комиссии // Енисейский край. — 1916. — 22 дек.
2. В Продовольственной комиссии // Известия Томского городского общественного управления. — 1916. — № 8. — С. 149–150.
3. Возращение паев // Лучи. — 1916. — 25 сент.
4. Гадаров П. К спекуляции с сапогами (Письмо в редакцию) / П. Гадаров // Енисейский край. — 1916. — 2 нояб.
5. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 6809 (Особое соещение для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу). — Оп. 1. — Д. 18.
6. Городская продовольственная кампания // Лучи. — 1916. — 25 сент.
7. Дела продовольственные (Письмо из Енисейска) // Енисейский край. — 1917. — 8 янв.
8. Дровяной кризис // Вестник Красноярского городского общественного управления. — 1915. — № 13. — С. 28–29.
9. Дурукалов Г. К Керосиновому кризису (Письмо в редакцию) / Г. Дурукалов // Енисейский край. — 1916. — 30 окт.
10. Заметки кооператора // Лучи. — 1916. — 25 сент.
11. Запорожченко Г. М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности гражданского самоуправления / Г. М. Запорожченко. — Новосибирск : [б. и.], 2015. — 540 с.
12. Запорожченко Г. М. Городская потребительская кооперация дореволюционной Сибири и продовольственный вопрос Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / Г. М. Запорожченко // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. — Оренбург : Печатный дом «Димур», 2007. — С. 104–111.
13. К вопросу о бывшей городской переписи // Енисейский край. — 1916. — 5 нояб.
14. К продовольственному вопросу // Енисейский край. — 1916. — 29 дек.
15. Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. / В. В. Канищев. — Тамбов, 1995. — 162 с.
16. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.) / Ю. В. Кирьянов. — М. : ИРИ РАН, 2005. — 215 с.
17. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг.: Хроника и историография / Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин, А. П. Сагайдачный. — Новосибирск : Наука. Сиб. Отд-е, 1987. — 240 с.
18. Махов В. Потребительская кооперация в Сибири / В. Махов. — Новониколаевск, 1923. — 217 с.
19. Мещеряков П. В борьбе с дровяным кризисом / П. Мещеряков // Вестник Красноярского городского общественного управления. — 1915. — № 9. — С. 8–10.
20. О продовольственной работе в Омске // Лучи. — 1917. — 29 янв.
21. О продовольственном деле // Лучи. — 1916. — 6 окт.
22. Положение о лавочных комиссиях Омского общества потребителей // Лучи. — 1916. — 18 дек.;

23. Продовольственное дело // Известия Томского городского общественного управления. — 1916. — № 7. — С. 64–67.
24. Продовольственный вопрос в Верхнеудинске // Забайкальское обозрение. — 1915. — 28 дек.
25. Продовольственный кризис и общество «Самодетельность» // Енисейский край. — 1917. — 4 янв.
26. Рынков В. М. Сибирская кооперация в годы Первой мировой войны: проблемы и итоги изучения / В. М. Рынков // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории : сб. науч. тр. — Вып. 7. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, СибУПК, 2013. — С. 27–52.
27. Сахарный вопрос // Енисейский край. — 1916. — 16 нояб.
28. Совещение с участием купцов // Енисейский край. — 1916. — 4 нояб.
29. Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 гг.) / В. О. Чудаков. — Омск : Омский государственный университет, 2013. — 423 с.
30. Чудаков О. В. Потребительская кооперация Сибири в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1917 — первая половина 1918 гг.) / О. В. Чудаков // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX — начала XXI вв. : сб. материалов Всерос. науч. конф. — Якутск, 2012. — С. 127–131.

Информация об авторе

Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: vadvsvet@list.ru.

Author

Vadim M. Rynkov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Science, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090; Associate Professor, Novosibirsk State University, 2 Piragov St., Novosibirsk, 630090, e-mail: vadvsvet@list.ru.

УДК 339.3(571.54/.55)(09)
ББК 65.422(253.5)г

Т.Е. САНЖИЕВА

УЧАСТИЕ БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ТОРГОВЛЕ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматриваются формы и виды торговли бурятского населения. Статья написана на материалах делопроизводства Баргузинской, Кударинской и Хоринской Степных дум. Поскольку торговля была одним из элементов отчета Степной думы, то в ее документах указаны места торговли и объемы продаж. Бурятское население осуществляло продажу продукции скотоводства: скота, кожи, шерсти, шкуры, а также охотничью добычу: шкуры зверей, пушнину, рога и т.д., рыбу, а покупало в основном кирпичный чай и продукцию, не производимую в их хозяй-